

увеличение пиетета классиков. Разрушение правил, канонов, иерархий прошлого привело к процессу нового мифотворчества. В частности, речь идет об активном использовании классиков в рекламном создании имиджа отдельных территорий. Леся Украинка – высокообразованный человек, интеллектуал, энциклопедист, который держит в поле зрения всю мировую культуру, видит ее пространства от самых давних времен до современности. Но именно волынский элемент делает ее творчество оригинальным, обеспечивает ей масштаб первостепенного классика украинской литературы. Усиление роли Леси Украинки в создании имиджа региона не понижает ее статуса, наоборот, позволяет утвердить ценность национальной самобытности на фоне процессов глобализма.

Ключевые слова: Леся Украинка, волынский текст, бриколаж, коллаж, культурологическая теория, постмодернистская эпоха.

Moklytsya Maria. Polish Fragment of Lesya Ukrainka's Volyn Text. The works, written by Lesya Ukrainka during on Volyn and about Volyn fold a book that embraces all creative evolution, on chronologic and genre criteria. In the article a thesis is offered: to estimate a book in the aspect of culturological theory (A. Buzhinska, P. Barry, J. Baudrillard, Claude Levi-Strauss, N. Fry, etc.) as an example of "bricolage" of the new type. On a background of the "death of the author" and the depreciation of the author's creativity in the postmodern era today compensatory trend emerges: the growth of piety of classics. Volyn text of Lesya Ukrainka contains also Polish fragment of confirming the story "The friendliness" contained in the book.

Key words: Lesya Ukrainka, Volyn text, bricolage, collage, cultural theory, postmodern era.

Стаття надійшла до редколегії
17.04.2014 р.

УДК 821.162.1-311.6Крашевский

Валентина Мусий

Оппозиция «свое – чужое» в романе Ю. И. Крашевского «Старое предание»

Изучены особенности картины славянского мира в историческом романе польского писателя Ю. И. Крашевского «Старое предание». Особое внимание уделено диалектике понимания персонажами содержания категории «свое» как соответствующего коллективному духу традиционных ценностей. Прослежена связь между «Старым преданием» Ю. И. Крашевского и «Лиллой Венедой» Ю. Словацкого как звеньями двух циклов произведений об истории Польши с древности до XIX в.

Ключевые слова: роман, романтизм, реализм, историзм, народность.

Значительный период жизни Ю. И. Крашевского связан с Украиной – Полесьем, Волинью, бывал он и в Одессе. Все это нашло отражение в его художественных произведениях, автобиографических заметках. Таким образом, деятельность этого писателя, имя которого, по словам Р. П. Радисhevского, принадлежит к соцветию гениев польской литературы [7, с. 237], – одна из славных страниц в истории не только польской, но и украинской культуры.

Целью предлагаемой статьи является изучение такой особенности миропонимания героев романа Ю. И. Крашевского «Старое предание» (1876), как их ориентация на сохранение коллективного духа традиционных ценностей, место оппозиции «свое – чужое» в раскрытии этой особенности. При этом мы считаем возможным вести речь об усвоении этим художником романтических эстетических принципов, как и их трансформации, творческом переосмыслении в новых культурно-исторических условиях. Ведь именно с романтизмом связано развитие в литературе «решения проблемы основ национальной идентичности» [6, с. 7]. Роман «Старое предание», как известно, явился звеном в задуманном писателем цикле произведений о судьбе Польши с древних времен до современности.

Постановка научной проблемы и её значение. В статье предпринята попытка проследить содержание оппозиции «свое – чужое» на разных уровнях, определить ее место в раскрытии авторской концепции характера славянства, закономерностей исторического развития польского и других славянских народов. Научных работ, посвященных исследованию путей художественного воплощения Ю. И. Крашевским в «Старом предании» динамики понимания его героями «своего», а также того, что мешает устройству нормального для них уклада жизни, нам не встретилось. В то же время мы

считаем, что решение этой проблемы позволяет проникнуть в особенности поэтики названного произведения и воплощенной в нем авторской концепции. Привлекая к исследованию, кроме «Старого предания» Ю. И. Крашевского, романтическую трагедию Юлиуша Словацкого «Лилла Венеда», мы предполагали представить ставший объектом нашего исследования роман в качестве звена в процессе художественного познания польскими литераторами национальной идентичности.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Уже из названия романа («*Stara baśń*») следует, что Ю. И. Крашевский, создавая образ прошлого, опирался главным образом, как замечает В. П. Ведица, не только на «скупые исторические сведения», но и на фольклорные источники, смело придавая сказочным и легендарным мотивам черты исторической правдоподобности [2, с. 396–397]. И в то же время писатель, безусловно, следовал социально-историческому принципу художественного освоения действительности.

К тем основным составляющим историзма Ю. И. Крашевского, которые определили его своеобразие, Л. К. Оляндер относит объективность (проявившуюся в детализации описаний), подчеркнутое акцентирование внимания на тех событиях прошлого, которые повлияли на судьбу Польши, а также биографичность, которая, в свою очередь, вобрала в себя события, переживания, демократические взгляды писателя – человека толерантного, добивавшегося справедливости [5, с. 205]. При этом, подчеркивает исследовательница, особенностью историзма Ю. И. Крашевского является его интерес к любому человеку и событию в истории. С этой чертой связана, на наш взгляд, такая особенность его прозы, как большое число персонажей: не только играющих центральную роль в развитии событий, но и эпизодических, даже лишь однажды упоминаемых. Их образы помогают передать мироощущение, дух предков нынешних славян, а также разнообразие характеров и устремлений каждого из них – все то, из чего складывается образ прошлого. Это характерно и для романа «Старое предание», в котором создан образ древнего славянского общества. Проявилась в этом произведении и другая особенность исторической романистики Ю. И. Крашевского, на которую обратила внимание Л. К. Оляндер: тяготение писателя к этнографии, историческим экскурсам, познанию ментальности народов [5, с. 206].

В связи с работой над историческим романом Крашевский изучил все имеющиеся в его распоряжении источники, как научные, так и псевдонаучные, представляющие мифологизированный образ героев древности. Сведя все эти свидетельства о прошлом вместе в качестве дополнения к «Старому преданию» под названием «Исторические легенды» (1876), писатель заметил: «Они – тот расцветший на могилах цветок, в котором есть что-то от тела и духа останков, в них сокрытых» [4, с. 389]. В своем анализе преданий о праистории чехов и поляков он усиливает мотив незлобивости славян: «В то время как другие племена и народы добивались славы и известности, славяне желали покоя и таились в тиши, находя у домашнего очага все, что им было необходимо для жизни» [4, с. 375]. Он называет их «гусярами, не знающими мечей», «мечтателями» [4, с. 389]. Примечательно, что подобное использование образа музыкального инструмента в характеристике древних славян встречается и в «Лилле Венеде» Юлиуша Словацкого. С золотой арфой короля венедов Друида связаны основные сюжетные мотивы в трагедии. Королева Гвинона требует от Друида вызвать из арфы духа-прорицателя, на что тот отвечает, что никогда не совершит рабского поступка («Да, племя можно истребить, но после / Его погибели неистребима / Та мощь, перед которой суждено / Тебе бледнеть...» – заявляет он [8, с. 289]). Затем игрой на золотой арфе короля венедов его дочь Лилла Венеда спасает отца, заклиная голодных змей, к которым его бросили. На арфу Гвинона обещает обменять своего сына, попавшего к венедам в плен. И, наконец, в ящике от арфы королева отправляет венедам тело задушенной ею дочери Друида. Как видим, связь славян с музыкой является одним из ведущих знаков их характера.

В «Исторических легендах» Ю. И. Крашевский выстраивает оппозицию «свое – чужое» как «славянское – иноплеменное». «В этой тиши под звуки песни, – пишет автор, – формируется некое идеальное общество, институты которого, позднее испортившиеся и извратившиеся в результате соприкосновения с другими народами, обнаруживают подлинную и высоко развитую цивилизацию. Чем глубже мы познаем таинственный быт этого народа, тем более идеальным он нам представляется». И далее: «Вера в единого бога, единобрачие, чистота нравов, уважение к чужой собственности, развитое здесь до такой степени, что дома не нуждались в запорах, безграничное гостеприимство, патриархальный образ правления, организация общин и соединение их между собою на манер

федерации – все это у самых истоков древнего славянства – совершенно очевидно. Как только войны, необходимость обороняться от врагов и носить оружие, вторжение чуждых понятий и обычаев нанесли брешь в этом цельном славянском организме, немедленно наступает процесс его разложения, порчи, формирования чего-то, что должно было соответствовать жизни, условиям, свойственным окружению славянства» [4, с. 376]. Из этого можно сделать вывод, что «свое» – это дом, мир, целостность коллектива, а «чужое» – все, что несет разрушение «цельному славянскому организму», в первую очередь, – инонациональное.

На подобном значении оппозиции «свое – чужое» строится и начало романа. Едущий по чужому для него краю немец Хенго, заметив у дороги изваяние (каменного истукана), с презрением плюет на него и тут же жало стрелы впивается в толстую сермягу на его груди. Завидев его, старухи с подворья Виша, «дрожа от страха перед чужим», рвут траву, бросают ее по ветру с комьями земли и сплевывают «далеко вперед, чтобы отвести сглаз» [4, с. 21]. Но и сам Хенго, пряча янтарь, который выменял у Виша, незаметно плюет на него, «чтоб отвести порчу» [4, с. 21]. Таким образом, «чужое» – это, как правило, наделенное демонической силой. Оппозиция «свое – чужое» как «родное – иноплеменное» проявляется и в отношении персонажей к языку. Приближаясь к жилищам славян, Хенго рекомендует сыну: «Лучше всего ничего не говори, будто ты немой. Они называют нас немцами, хотя мы понимаем их язык...» [4, с. 17]. А далее повествователь замечает: «Между тем как старец, сидя на камне, беседовал с пришельцем из края, который тут называли страной “немых”, не знающих языка...» [4, с. 20]. В данном случае Ю. И. Крашевский отражает одну из наиболее характерных для носителей этноцентричного традиционного сознания особенностей: «чужой язык оценивается как странный, неблагозвучный, смешной» [1, с. 383]. Описывая эту особенность, О. В. Белова замечает: «...только язык “своей” культуры признается полноценным и пригодным для человеческого общения. Язык “чужой” традиции в этом контексте может восприниматься либо как звукопроявление, родственное “языку животных”, либо приравняться к немоте, ибо с помощью “чужих” слов по определению невозможно передать “правильную” суть явлений» [1, с. 383].

Эта оппозиция «славяне – немцы» находит свое отражение и в оценке персонажами друг друга. Так, к примеру, то представление о миролюбии как коренном свойстве славянских племен, которое высказано в заметках «Исторические легенды», в тексте романа Ю. И. Крашевский вкладывает в уста мудрого Виша. Возражая Хенго, объясняющему, что князья проявляют воинственность в силу целого ряда обстоятельств («...одни нападают на других – и с голоду, и от жадности, и чтоб получить невольников, у кого их мало...»), он заявляет: «Так делают у вас <...>, а мы войн не хотим и не любим. Боги наши, так же как и мы, любят мир» [4, с. 29]. О миролюбии славян свидетельствует и открытость их остальному миру: «Однако двери везде оставались незапертыми – такой уж обычай был на всей их земле, и ни один путник никогда не злоупотреблял этим благородным гостеприимством. В каждой избе лежал хлеб, нож, стояла вода. Погреб, кладовка – все было открыто» [4, с. 80]. Подобная простота быта вызывает презрение жены князя Брюнгильды: «Разве можно что-нибудь найти в этой глуши и убожестве? Ни золота. Ни серебра, ни других металлов у них нет... как звери, живут они в лесах... Даже городов и сел у них нет... а уж люди...» [4, с. 60]. Мир славян и немцев показан в романе в тот момент, когда противоречия достигли переломной точки. Профессор Збигнев Затурский [9], характеризуя главных персонажей и сюжетные мотивы «Старого предания», отметил, что Крашевский, изображая жизнь племени полян, передал образ мышления и речи древнего человека, который руководствуется инстинктами. На наш взгляд, есть основания говорить о том, что персонажи романа уже осознанно относятся к происходящему, что и ведет к противостоянию с «чужим».

Именно вторжение иноплеменной стихии представлено в романе Крашевского, по мнению В. П. Вединой, как решающий фактор процесса разрушения родового строя. Характерно, пишет она, что последний из Попелей, совершает большинство злодеяний не в силу узко классовых интересов, а под влиянием своей жены-немки, жаждущей покорить славян власти немцев [2, с. 397]. После встречи на священном острове с Дивой, которая предрекла ему несчастья, Хвостек говорит жене: «Халдон завтра поедет к вашим, к саксам... пусть идут сюда... пусть выступят походом... пусть жгут, режут, крушат... Пусть охватит пламя всю эту землю...» [4, с. 172]. Так, по существу, «своя» для князя земля стала для него «чужой», и он готов позволить саксам сжечь ее. Подобное мы обнаруживаем и в трагедии Ю. Словацкого.

Трагедія «Лилла Венед» була написана Юліушем Словацьким в еміграції, в Парижі в 1839 г. Она должна была стать, как и «Старое предание» Ю. И. Крашевского, звеном цикла историко-мифологических драм, в которых решались бы проблемы польской национальной истории. Как и Ю. И. Крашевский, Ю. Словацкий собирался представить эту историю, опираясь на легендарно-мифологический материал. В «Лилле Венед» рассказывается, как из-за того, что вождям венедов не удалось вдохновить свой народ, битва с захватчиками закончилась гибелью всего племени. Их противники – лехиты. Это одно из древних названий ветви польского народа. Но у Ю. Словацкого, опиравшегося на труды некоторых историков начала XIX в., это неславянское племя, наделенное чертами германо-скандинавов. Оно покоряет венедов и впоследствии превращается в господствующий в Польше класс – шляхту. Неслучайно одного из сыновей королевы Гвиноны и ее мужа короля Леха зовут Крак (согласно одной из старопольских легенд именно он основал город Краков). Сведения о венедях («энетах») появляются уже у античных авторов (Диодора, Плиния Старшего и др.). Хотя не все отождествляют их со славянами. Некоторые отмечают, что как этнос они отличаются от германцев, но по образу жизни ближе к ним, чем к кочевникам-сарматам. Так или иначе, венеды, анты и склавны и в самом деле считаются предками славян. Как об одном из результатов грядущей битвы между лехитами и венедями дочь короля Друида Роза Венед говорит о появлении будущего легендарного князя Попела (от польского «прах»): «И плод зачну от рыцарского праха». Очевидно, Юлиуш Словацкий опирался на те же легендарные предания об истории Польши, что и через несколько десятков лет Ю. И. Крашевский. Близки созданные ими образы Гвиноны и Брунгильды, с одной стороны, Леха и князя Хвостека из Лешек – с другой. Гвинона родом из Исландии. Она не имеет в сердце и капли жалости к венедам. Своих сыновей она приучает к крови и жестокости. Так, к примеру, она предлагает им целиться стрелой в поверженного старца, короля Друида, у которого велела своим слугам вырвать глаза. В такой же ненависти к славянам воспитаны и сыновья Брунгильды. «В глазах у них, – сообщает повествователь, – еще светилась юная жизнерадостность, но было в ней что-то звериное, дикое. Несмотря на молодость, по виду их можно было принять за воинов, хищных и жадных к добыче» [4, с. 244]. Приехав домой, они наблюдают с башни за происходящим, мечтая включиться в борьбу: «– Вот бы хорошо, если бы война началась! Упросим отца и мать, останемся с ними и тут уж напьемся крови кметов... Мы им покажем, как воюют саксы...» [4, с. 245]. Но Брунгильда не так отчаянна, как Гвинона: она требует увезти детей к саксам. Обе превосходят своих супругов в коварстве и жестокости. О короле Лехе Словацкий писал в открывающем трагедию посвящении: «...человек сильной руки в бою и мольеровской слабости дома» и дальше: «В кунтуш бы его одеть и в жупан, пусть владевает – без завтрашнего дня» [8, с. 270]. У Крашевского Брунгильда упрекает мужа в его слабости по отношению к земледельцам. «Сам ты виноват, милостивый господин, – говорила она, – надо было меня слушаться. Все бы по-иному кончилось, пригласить бы их учтиво в покои, посадить за стол да вести с ними сладкие речи. <... > А тем временем стража встала бы у ворот – вот бы и поймал их, как рыбу неводом» [4, с. 179]. Объединяет образы правительниц и исключительность ситуации их гибели.

Гвинона в трагедии Ю. Словацкого идет до конца в своей страсти победить венедов. Узнав о гибели сына Лехона, она надевает рыцарские доспехи и бросается в сражение. Ее гибель устрашает все войско: «Гвинона, увидавши холм высокий / И пламя алое в венце из черных / Фигур вокруг кровавого сиянья, / Воскликнула: «Там должен быть Друид!» – / И, меч вздымая, в гору устремилась. / А черные, стоящие вокруг / Костра, в котором два сгорело трупы, / Схватили урны с древним пеплом предков / И сверху бросили на королеву / Те страшные сосуды. И когда / Я подбежал, лежала королева, / Засыпанная прахом и костями, / Холодная, с раздавленною грудью...» [8, с. 377–378]. Брунгильда умирает в башне, где укрывается от захвативших городище кметов. Эпизод смерти князя и княгини в романе – переосмысление Ю. И. Крашевским обнаруженного им у Длугоша предания, согласно которому в трупах доведенных до смерти Попелем родственников завелись полчища мышей. Князь попытался спастись от них на острове, но мыши поплыли за его ладьей, проникли в башню, где сначала сожрали на глазах родителей детей, затем – жену князя и, наконец, разорвали на маленькие кусочки самого Попеля («хоть бы косточка какая осталась» [4, с. 385–386]. В романе Крашевского победителями Хвостека и Брунгильды оказываются не мыши, а люди, Мышки (Мышки). Для нас это переосмысление предания значимо не только потому, что является примером демифологизации, усиливающей достоверность повествования, но, что еще важнее, углубляет смысл оппозиции «свое – чужое». У романтика Ю. Словацкого на первом плане – противостояние «славяне –

скандинавы». У Ю. И. Крашевского идет речь не только о межнациональной вражде. Как следует из развивающихся событий, гораздо опаснее отсутствие единства внутри самих славян.

Ночью на подворье князя Хвостека Хенго и его сын становятся свидетелями страшной расправы над кметами: чтобы ослабить их ряды, князь зазывает их небольшими группами, опаивает зельем, которое готовит его жена, и те в неистовстве бросаются друг на друга. Князь потешается, наблюдая эту бойню, и приказывает сбросить трупы в озеро. Позже напуганный сын немца Герда рассказывает обо всем дочери Виша – Диве. Та сообщает отцу. Славяне собираются организовать вече, хотя знают, что многие кметы поддержат князя. По пути Виш и Доман заезжают к князю из Лешек Милошу. Хвостек убил одного его сына. А другому выколол глаза и бросил в подземелье умирать. Виш и Доман рассчитывают на его помощь, но тот отказывается. Милошем руководит сословное чувство: он князь и негоже ему с выступать против другого князя на стороне кметов. Так с самого начала произведения намечается мотив разлада внутри славян. Он развивается в двух планах: в реальном, охватывающем событийную сторону произведения, и в легендарно-мифологическом, подчеркивающим универсальный характер драматических событий. Центральной темой песни «с Хорватских гор», которую исполняет старый слепой Слован, является братоубийство. В ней немец Ридгар «войско собирает / К битве с безоружным краем» лишь когда узнает, что Лех предательски убил брата в лесу, а потом был изгнан за свое преступление «на край света», и правительницей стала имеющая в руках «не меч», а прялку дева Ванда. Именно к согласию между отдельными славянскими краями и общинами призывает и провидец Визун. Но и после того, как звучат возгласы: «На вече! Садитесь в круг!», люди стали не объединяться, а «сбиваться в кучи – каждый род отдельно, восхваляя и превознося своих. <...> Мышки кичились своими трудами и пролитой кровью, Лешеки отстаивали какие-то права, иные бахвалились богатством» [4, с. 274]. Показательно, что за картиной разлада между родами следует сообщение о примчавшемся на «взмывленном, запыхавшемся» коне человеке, который кричит о том, что сыновья князя ведут против славян немцев, поморян и кашубов и перешли уже лес на границе. Когда же, наконец, всем удастся договориться, знаковыми в романе Ю. И. Крашевского становятся детали устройства быта нового князя. Сообщается, что «с Гопла перевезли все имущество Пяста, чтобы прежняя бедность и простота обихода всегда напоминали ему и потомству его о том, что вознесся он из кметов. Теперь, правда, старик носил княжеский плащ и шапку, но в светлице у себя повесил сермягу, чтобы постоянно ее видеть...» [4, с. 369–370]. Однако одного согласия между всеми родами, а также между князьями и кметами было недостаточно. «Свои» – это и другие славянские племена, которые живут в иных краях. Мысль об их общности высказывается уже в самом начале романа, когда старый кмет Виш замечает: «А ведь больше всего на свете, почитай, наших народов. Мы, поляне, можем сговориться и с теми, что живут на Одере и на Лабее, и с поморянами, и с осевшими на острове ранами, с сербами и хорватами, и с моравами – вплоть до самого Дуная... и дальше. Как тут счастье... нас – как звезд на небе» [4, с. 29]. Один из путей достижения единства внутри всего славянства – нравственный: единой верой. В романе важную роль играют образы пилигримов, открывающих героям глаза на «большой» мир – других народов. В ответ на слова Пяста о жадности и вероломстве немцев «старший гость» говорит: «...иные князья, вроде вашего, добиваются сближения с ними, чтобы избежать войны, ибо немцев великое множество и они хорошо вооружены... Зато другие думают о том, как объединить наши племена и все малые народы для противоборства немцам... Для этого они и новую веру принимают, чтобы с ними быть наравне, и протягивают руки друг другу, сплачиваясь против общего врага» [4, с. 221].

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Обратившись к созданию характера древних славян, Ю. И. Крашевский выдвинул на центральное место оппозицию «свое – чужое». Она играет ключевую роль в картине межнациональных отношений («славяне – немцы»), в отображении процесса социальной дифференциации коллектива («князья – кметы»). Не меньшую роль в отображении особенностей кристаллизации понимания персонажами в романе того, что является нормальным («свое»), а что затрудняет устройство жизни («чужое»), играет оппозиция «варварское – христианское». Так, в «Старом предании» воссоздается полный драматизма процесс выработки норм, предполагающих приоритет коллективных, общеславянских ценностей.

Источники и литература

1. Белова О. В. Восприятие «чужого» языка в народной культуре славян (этнолингвистический аспект) / О. В. Белова // Письменность, литература и фольклор славянских народов : докл. рос. делегации : материалы XIV Междунар. съезда славистов (Охрид, 10–16 сент. 2008 г.). – М. : Индрик, 2008. – С. 380–396.

2. Ведіна В. П. «Прадавня легенда» і її автор [Ю. І. Крашевський] : післямова / В. П. Ведіна // Крашевський Ю. І. Прадавня легенда : роман з життя у IX ст. – К. : Держлітвидав, 1960. – С. 398–406.
3. Воронкова И. С. Освоение «чужой» действительности с позиций концептуализации и категоризации мира / И. С. Воронкова // Слово и текст в культурном сознании эпохи : сб. науч. тр. – Вологда : Легиа, 2010. – Вып. 6. – С. 7–11.
4. Крашевский Ю. И. Старое предание : роман из жизни IX века / Юзеф Игнаций Крашевский ; пер. с пол. Е. М. Рифтиной. – М. : ГИХЛ, 1956. – 380 с.
5. Оляндер Л. К. Волинський текст в українській та польській літературах (XIX–XX ст.) : монографія / Л. К. Оляндер. – Луцьк : Волин. нац. ун-т ім. Лесі Українки, 2008. – 236 с.
6. Петриченко Н. Українська, польська та російська проза першої половини XIX ст. (діалогізм, конвергенція, оповідність) / Надія Петриченко. – К. : Ун-т «Україна», 2009. – 416 с.
7. Радишевський Р. П. Рецепція Ю. І. Крашевського в Україні / Р. П. Радишевський // Київські полоністичні студії : зб. наук. пр. – К. : [б. в.], 2003. – Т. V. – С. 233–242.
8. Словацкий Ю. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2 / Юлиуш Словацкий ; пер. с пол. ; под общ. ред. М. Ф. Рильского. – М. : Худож. лит., 1960. – 702 с.
9. Zaturski Z. Stara baśń (komentarz) / Z. Zaturski. – Lwów : Spółka Wydawnicza «Vita», 1930. – 48 s.

Мусій Валентина. Опозиція «своє – чуже» у романі Ю. І. Крашевського «Прадавня легенда». Стаття присвячена дослідженню особливостей картини слов'янського світу в історичному романі Ю. І. Крашевського «Прадавня легенда». Особливу увагу приділено вивченню відображення процесу змін у розумінні персонажами змісту категорії «своє» як того, що відповідає колективному духу загальнонаціональних традиційних цінностей. Опозиція «своє – чуже» вивчена на різних рівнях. Їй належить центральна роль у характеристиці відносин між слов'янами та німцями, розкритті відносин усередині колективу, процесі прийняття єдиної для слов'ян релігії. Простежено зв'язок між «Прадавньою легендою» Ю. І. Крашевського та «Ліллою Венедою» Ю. Словацького як ланками двох циклів творів про історію Польщі від давнини до XIX ст. Встановлено, що обидва автори спиралися на однакові легендарно-міфологічні джерела, обидва показали трагічні наслідки розладу в колективі, обидва зосередилися на опозиції «слов'янське – іноземне». Однак у романі Крашевського значну увагу приділено також художньому пізнанню соціальних процесів.

Ключові слова: роман, романтизм, реалізм, історизм, народність.

Musiy Valentina. Opposition “Own – Alien” in Yu. I. Krashewsky’s Novel “The Old Legend”. The article is devoted to the study of the peculiarities of the picture of Slavic world in Yu. Krashewsky historical novel “The Old Legend”. Special attention is paid to the changes in the understanding of the category “own” as appropriate to the collective spirit of traditional values. The opposition “own – alien” is studied at different levels. It plays a central role in the description of relations between Slavs and Germans, in the disclosure of social relations within the collective, in artistic cognition of the beginnings of the process of adoption to unified with other Slavic peoples religion. The relationship between “The old Legend” by J. Krashewsky and “Lilla Veneda” by J. Slowacki as the links of the two cycles of works about the history of Poland from ancient times till XIX century was traced. The paper offers a view that both authors relied on the same mythological and legend sources, both showed a tragic consequences of the lack of unity in the collective, both focused on the opposition “Slavs – people of other tribes”. But novel by Krashewsky is also a result of the artistic cognition of social processes in Slavic collective.

Key words: novel, romanticism, realism, historicism, artistic cognition of national specificity.

Стаття поступила в редколлегию
09.04.2014 г.

УДК 821.161.2«18-19»

Віталій Назарець

Теоретичні рефлексії жанру послання в сучасних літературознавчих дослідженнях

У статті досліджено дискусійні питання визначення жанрово-родової належності послання, систематизовано та узагальнено теоретичні рефлексії жанру послання в працях літературознавців XX ст. Аналіз специфіки художнього феномену послання дав змогу виявити його домінуючі жанрові ознаки: настанову на діалог між